

© 2024 г.

А.К. СПИРКИНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИК МОЛЧАНИЯ

СПИРКИНА Анастасия Константиновна – старший лаборант Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (spirkina.ak@yandex.ru).

Аннотация. В статье раскрываются эвристические возможности и анализируются результаты применения концептуального аппарата социологии повседневности к пониманию практик молчания. Социологические теории повседневности представлены в статье концепциями феноменологической социологии А. Шюца, драматургической социологии и фрейм-анализа И. Гофмана и этнометодологическим подходом, включающим в себя как этнометодологию Г. Гарфинкеля, так и разговорный анализ, родоначальниками которого считаются Х. Сакс и Э. Щеглофф. Таким образом, предметом рассмотрения в статье выступает комплекс концепций, объединенный качественной парадигмой исследования. Этот выбор обосновывается приспособленностью указанного комплекса теорий к анализу наблюдаемого и «звучащего» молчания как реального феномена, данного в непосредственном опыте человека. Употребленное в обыденном социальном опыте, молчание включается в процессы повседневного мира и становится частью механизмов (вос)производства социального порядка на микроуровне.

Ключевые слова: молчание • социальная практика • социология повседневности • этнометодология • фрейм-анализ • А. Шюц • И. Гофман • Г. Гарфинкель • разговорный анализ

DOI: 10.31857/S0132162524060122

Введение: социологические представления о молчании. Проблема «теоретического обеспечения» исследований молчания выходит за рамки просто удовлетворения любопытства и испытания собственных сил в теоретико-социологических упражнениях. Поскольку кино, художественная литература, поэзия, философия уже предлагают множество способов думать о нашем или чужом молчании, от социологии как от «реинтерпретатора» этих смыслов и значений не ожидается ничего хорошего, в том числе потому, что она приобрела репутацию «очернителя» того душевного и романтического, что можно найти в обществе. Достаточно вспомнить, что сделал М. Мосс с практиками взаимного дарения, П. Бурдьё с искусством и фотографией, а Г. Беккер с любовными (брачными) отношениями. С не меньшей холодностью социологическое мышление, вероятно, «расправится» с практиками молчания, дарящими людям спектр эмоций и возбуждающими вереницу мысленных образов в разных социальных ситуациях.

Ученому трудно взглядываться в глубину пустоты и находить в ней вдохновение, какое находят в ней писатели и философы. Направленное на молчание социологическое воображение всегда находит в нем что-то другое – во-первых, осмысленность и, во-вторых, действие социальных сил [Подвойский, Спиркина, 2022]. Социолог всегда сомневается

в принятых интерпретациях и осмысленность молчания видит там, где другие люди ее не видят, и находит совсем другие значения даже в «молчаниях», которые обычные люди склонны называть «многозначительными».

Многие варианты молчаливого поведения отличаются не тем, что имеют приятные следствия для человека. Это скорее темная зона социальной жизни, потенциально рождающая злоупотребления одних людей и мистификацию со стороны других. Чаще молчание становится источником неполного понимания, недоразумений и умолчаний, за счет которых отдельные люди «выигрывают», приобретают и поддерживают более выгодное положение, одурачивая остальных. При этом образуется особый социальный порядок умолчания и тайны. Молчание становится причиной неравномерного распределения знания в обществе из-за того, что молчание редко что-либо проясняет. Такое понимание будет присутствовать скорее там, где есть место истине, получающей в придачу свою «обратную сторону» в виде иллюзии [Simmel, 1906]. Но и такие явления, как соблазн и флирт, могут присутствовать только там, где есть тайна, неполное владение информацией. «“Молчание золото”, “истина в молчании”, “мысль изреченная есть ложь” и другие подобные сентенции обыгрывают многозначительное молчание как инструмент соблазняющего интеллекта» [Ильин, 2003: 8].

Молчание может быть выражением права говорить, которого человека насильно лишают [Pagis, 2010]. Таким образом, социолог раскрывает властную (иерархическую) структуру общества, где одни обладают определенными правами, другие – нет [см. напр., Zerubavel, 2006]. Понимание конструктивного смысла молчания как механизма консенсуса, согласия, а не социального расслоения и конфликта – предлагает, например, лингвистический анализ. Таким образом, молчание выполняет во взаимодействии и диалоге определенные функции и осмысливается в качестве важной составной части социального порядка, механизмов поддержания определенной социальной структуры, отражения стратификации.

Молчание, стоящее между «природой» и «культурой», между *речью* и *эмоциями*, мещется между загадочностью и осмысленностью, между отчуждающим необщественным и «направленным на Другого». С одной стороны, молчание склоняется к «эмоциональному» полюсу, так как там, где есть место сильным эмоциям, там нет места словам, связанным с рассудочной деятельностью. С другой стороны, его «срединное состояние» определяется «невывражением» себя – ни в словах, ни в эмоциях – неким замиранием, которое покрывает весь внутренний мир молчащего тайной и иногда даже священной трепетом. Такое невыражение часто достигается с помощью осознанного самоконтроля и используется во многих религиозных и мистических практиках, а также в качестве «испытания» в некоторых играх¹.

Однако молчание не всегда связано с переживанием эмоций, а говорение – с рациональной холодностью. Т. Шефф в одной из статей предлагает описание поведенческого паттерна «молчания/насилия», свойственного прежде всего мальчикам, воспитанным в европейской культуре. Социализуясь в обществе, они быстро учатся тому, что все выраженные чувства, не считая гнева, являются проявлением слабости. Из-за этого у них формируется особый эмоционально-поведенческий паттерн: либо молчать, либо выражать гнев. Хотя они могут особенно не хотеть ни первого, ни второго, они чувствуют, что эмоциональный ассортимент у них не велик. Это приводит к тому, что мужчины чаще женщин молчат или прибегают к насилию. Молчание становится универсальным рутинным поведением, замещающим негативные и позитивные эмоции и распространяющимся не только на ситуацию, когда мужчине может что-то угрожать, но и на многие другие.

¹ Помимо очевидной «молчанки», молчание в игровой форме используется педагогами и спортивными тренерами как элемент учебной деятельности или игры, призванный приобщить к самоконтролю вербальных проявлений, к фокусировке внимания на невербальных (обычно визуальных, и других внешних) аспектах игровой/учебной ситуации. Например, в командных видах спорта такая практика может служить повышению вовлеченности в игровой процесс и усилению невербальной ситуативной коммуникации между участниками команды.

Со своими партнерами большинство мужчин реже женщин говорят о чувствах обиды, унижения, смущения, отторжения, радости, гордости, утраты и беспокойства. В описываемых Шеффом случаях молчание демонстрирует подавление эмоций, а говорение – спокойный неагрессивный способ их «проработать» [Scheff, 2006].

Благодаря Дж.Г. Миду мы знаем, что человеческое взаимодействие происходит посредством значимых символов². Носители языка способны опознать значение слов, употребленных в некотором контексте. Но улавливание значения разных «молчаний» более затруднительно, потому часто лингвисты характеризуют молчание как *нулевой знак* [Солодовникова, 2017; Копылова, 2015].

Интерес к тому, *что и как* говорят простые люди, возник у социологов около полувека назад и связан, как считается, с т.н. лингвистическим поворотом в социальных науках. В результате его социологическая методология перестраивается для анализа речи-здесь-и-сейчас в контексте ее употребления, в данных конкретных обстоятельствах. Такую методологическую трансформацию принято связывать с идеями «позднего» Л. Витгенштейна. Их влияние на социальные науки оказалось достаточно велико, чтобы открыть целые прежде «темные» области социологических исследований. Под влиянием философии «языковых игр» Витгенштейна социологи, во-первых, обратились к повседневным рутинным практикам (в том числе, к практике речевой коммуникации), и, во-вторых, установили их неотрывность от собственного контекста. Контекст и есть объект исследования, так как место, ситуация, другие сопровождающие практики наделяют смыслом изучаемую практику, которая сама по себе собственного смысла не имеет [Волков, Хархордин, 2008]. Так как общество предлагает нам коллективно поддерживаемые правила поведения – не только в виде «культурных норм», но и в виде непроговариваемых «повторяемостей» в социальном опыте, – наши действия, подчиненные этим правилам или нарочно идущие в разрез с правилами, можно считать «обращенными к обществу», социальными [Витгенштейн, 2019].

Невербальные проявления, сопровождающие речь, также создают контекст этой речи. С техническим прогрессом и появлением портативных магнитофонов в 1960–1970-е стал возможен анализ разговоров, учитывающий паралингвистические параметры речи. В рамках этнометодологических исследований такое направление получило название «конверсационного анализа». Его основоположники – Х. Сакс и Э. Щеглофф – подвергали детальному разбору фрагменты записей «живой» речи и выделяли структурные элементы, создающие упорядоченность (правилосообразность) коммуникации. Методы исследования «живого» молчания тоже опираются в основном на наблюдение и аудио-, видеофиксацию ситуаций взаимодействия. При этом невербальные компоненты коммуникации не игнорируются, а принимаются во внимание как важный ресурс, анализ которого может сделать текстовые данные более точными. Например, Б. Гаммерль (в сфере устной истории) проводил качественные интервью с геями и лесбиянками, учитывая все вздохи и паузы и отмечая их в транскриптах. Он считал, что воспоминание правдоподобно, когда то, что рассказывается, соответствует тому, как рассказывается [Плампер, 2018: 469–470].

Важно отметить, что социологическое понимание молчания (несмотря на психологическую содержательность данного феномена), опирается не на личное переживание молчащего человека, а на связь молчания как наблюдаемого или подразумеваемого феномена с макро- или микроуровневыми контекстами ситуации, воспринимаемыми человеком

² Прагматическая социология Миды говорит об использовании символов, среди которых могут быть не только слова, но и экстралингвистические особенности речи. Не все из них «отправляются» и воспринимаются как сообщения. Иногда молчание интерпретируется как осмысленное действие (самим молчащим и тем, на кого молчание направлено), а иногда ни одна сторона взаимодействия не желает замечать, что молчание как событие состоялось. В последнем случае обратить внимание на (структурную) роль и значение молчания можно только приняв особую форму сознания (т.е. «вынести за скобки» само собой разумеющийся ход событий) или нарушив его привычную длительность и изменив сопровождающие его фоновые практики.

как объективные данности или «условия», в которых молчание становится возможным вариантом уместного типичного действия.

Молчание – исследовательский объект социологии повседневности. Хотя социология повседневности сегодня представлена множеством имен и авторских концепций (М. де Серто, Л. Болтански и Л. Тевено, Э. Зерубавель, Б. Латур, Т. Шефф, Х. Эссер, П. Бурдьё... и др.³), основателями субдисциплины – А. Шюцем, Г. Гарфинкелем, И. Гофманом, П. Бергером и Т. Лукманом, а также представителями символического интеракционизма – были очерчены ее рамки и сформулированы основные концептуальные положения. Как указывает Т.В. Бурак, «в качестве активного элемента современных теорий повседневности (с конца 1980-х гг.) используются понятия и элементы концепций феноменологии, этнометодологии и фрейм-анализа» [Бурак, 2010: 105]. Таким образом, в анализе повседневного молчания мы будем опираться на работы указанных «актуальных» представителей социологии повседневности, так как в их разработках сформулированы базовые понятия и концепты, предоставляющие удобный инструментальный анализ широкого спектра «здесь-и-сейчас» взаимодействий. Имеются в виду понятия «фрейм(инг)», «интерсубъективность», «практика», «режимы вовлеченности», «интенциональность», «транспонирование (переклочение)», «жизненный мир», «ритуал взаимодействия», «индексность (индексность)», «отрезок», «обстановка» и «внешний вид», «реплика» и др. Некоторые из них являются скорее общими, другие – более специфичными и частными. Однако при помощи и тех, и других становится возможным смысловое «этнографическое» описание ситуаций мира повседневности.

Здесь нужно отметить, что хотя А. Шюц предложил важнейшие в этой области понятия, социология повседневности и ее концептуальный и методический аппарат после Шюца приобретают более эмпирически ориентированный характер, в чем можно видеть не столько ее принципиальную пересборку, сколько приспособление ее к решению эмпирических задач. Например, представителями разговорного анализа была составлена система письменного кодирования устной речи, позволяющая фиксировать на бумаге интонации, ударения, громкость произношения, настроение, паузы и другие важные особенности речи, ставшие теперь необходимыми для отображения в научной статье.

Феноменологическая социология А. Шюца. Наше стартовое понимание феноменов повседневности связано с концептуальной оптикой А. Шюца. Хотя австро-американский ученый уделял много внимания процессам рутинизации и типизации, сопровождающим обыденную социальную жизнь, это не означает, что исследование мира повседневности является исследованием унылого однообразия. «Бессмысленность», «имманентность», «обыденность» повседневности – это образ, ратующий за невнимание к живой области бытия⁴. Покуда «ничего важного» для социологов в повседневности не происходит, исследование рутины и повторяемости по меньшей мере скучно, по большей – бесполезно или невозможно [Вахштайн, 2009].

Однако дело не в том, что повседневность – это обыденность, рутинность, нерелексивность и повторяемость. Ключевым свойством мира повседневной жизни, на наш взгляд, являются его эмпирический и познавательный аспекты: это мир, к которому можно прикоснуться непосредственно – услышать, увидеть, почувствовать. Такой мир мы делим с другими людьми – они тоже его слышат, видят, чувствуют. Поэтому в рамках феноменологии мир повседневности если и нельзя назвать объективным, то во всяком случае

³ В российской и советской социологии проблематике повседневности посвящены работы В.И. Ильина, Н.Н. Козловой, И.А. Бутенко, А.Н. Алексеева, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и других исследователей.

⁴ Проблема понимания повседневности, с одной стороны, как сферы «опустошенности», «дегероизации», а с другой – как пространства жизни, где «витают мысли и чувства, зреют замыслы, порывы и устремления», поднимается в [Голофаст, 2002].

он является *интерсубъективным*, общим. И не всегда, как показывают этнометодологи, этот мир бывает устойчив⁵ и привычен.

Повседневность может требовать от нас фокусированного внимания и бывает увлекательной. Ее интерессубъективная фактичность «бьет по глазам», отрезвляет. «Культурные нормы», если и существуют, то «где-то там», а ситуация разворачивается здесь и сейчас, отчасти по собственным имплицитным законам, требует правильных, практичных, уместных действий. К тому же, для начала надо понять, что за ситуация разворачивается, какие именно – надежные или ненадежные, знакомые или незнакомые – игроки в ней участвуют, а ситуация может меняться, преобразоваться на ходу! Подготовленные выступления, тексты научных статей, литература могут содержать отсылки к «культурно-значимому» содержанию «молчаний». Но в повседневном взаимодействии это большая редкость, так как подобная «театральщина» зачастую воспринимается не в соответствии с «высоким смыслом», а как странность и дурновкусие. Даже если мир повседневности – не всегда мир «труда» и практичности (повседневность полна игр и праздности), то, по крайней мере, молчание и повседневный разговор часто отмечены простой и исполняемой молчанием функцией, хотя не всегда явной.

«Мир труда» А. Шюца, как и «чувственный мир» У. Джемса, имеют первостепенное значение, так как наше тело характеризуется чертами постоянства в своей локализации в мире повседневности среди других людей. Это самый сильный опыт, из которого сложно вырваться [Шюц, 2003]. «Шюц искал процесс, посредством которого интерессубъективность возникает в “живом опыте”. Сосредоточив внимание на проблеме других сознаний (как одно сознание понимает переживания другого), его теория начинается с ситуаций, когда два человека (или более) находятся в одном и том же пространстве и времени и имеют один и тот же объект внимания» [Pagis, 2010: 314]. Интерессубъективность, чувство общности, социальность рождаются в совместном опыте людей, разделяющих одно и то же время и пространство. Исследование молчания-здесь-и-сейчас означает исследование точки «стыка» индивидуального и социального, выраженного в теле и речи (или ее отсутствии).

Шюц подчеркивал, что схема интерпретации индивидами их взаимных действий сформирована здравым смыслом и практической жизнью среди других людей. Разумеется, сформированные нашими предшественниками значения молчания могут влиять на нашу его интерпретацию, но если они не будут поддерживаться и воспроизводиться в реальных практиках, то скоро отомрут или не будут ассоциироваться с повседневным миром. В любом случае, взаимодействие в этом мире основано на допущениях общности опыта и взаимозаменяемости точек зрения. А потому даже в совместном молчании люди могут достигать понимания друг друга, хотя и часто приблизительного, так как в случаях непонимания они тут же обращаются к уже приобретенным ими в культуре или собственном социальном опыте конструктам типичного поведения. «Пребывание с кем-либо в общем пространстве означает, что определенный сектор внешнего мира, содержащий объекты, представляющие интерес для нас обоих, равно доступен как мне, так и моему партнеру. Наблюдению каждого партнера непосредственно доступны тело, жесты, походка и выражение лица другого, не только как предметы или события во внешнем мире, но и в их физиогномическом значении, т.е. как симптомы мыслей другого» [Шюц, 2004: 19].

Фрейд-анализ И. Гофмана. Социология повседневности И. Гофмана дает представление о молчании не как о том, что делают люди, когда сами захотят, когда у них будет соответствующее настроение и если они обладают определенным характером, но как

⁵Например, утверждает О.Б. Божков: «...повседневность – это нормальное, привычное, ничем не нарушенное состояние и окружающей действительности, и, соответственно, поведения людей. Хотя повседневность обычно не фиксируется нашим сознанием, её начинаешь замечать, когда сталкиваешься с другими культурами» [Божков, 2014: 140]. Путешествие, особенно в страну с другой культурой, заставляет обратить на повседневность внимание, однако этого можно добиться и никуда не выезжая, так как процесс осознания повседневности связан не столько с самой культурой, сколько с субъективным режимом вовлеченности и направленности внимания.

о действии, включенном в общекультурный и локальный смысловой контекст – рутинный и типизированный.

Картина мира Гофмана выглядит следующим образом. *Люди живут в ситуациях, а эти ситуации имеют «определения», которые устанавливают социальный порядок.* Люди сами занимаются подобными определениями, но, однажды установившись, уже имеющееся определение оказывает на людей принудительное действие. Часто они сначала что-то делают (логично и успешно), *практикуют социальное поведение*, а уже после думают, интерпретируют, объясняют для себя смыслы и мотивы [Гофман, 2003]. Именно разделение текущего хаоса мира на смысловые единицы анализа – ситуации – является первым и ключевым шагом к пониманию молчания как социальной практики – одновременно индивидуальной и социальной.

Термин «фрейм» (рамка) означает определение ситуации, которое складывается в зависимости от субъективной вовлеченности в события и их социальной организации. Фреймы «говорят» только о субъективном «понимании» события, не об объективной социальной структуре. Однако они часто являются общими для участников ситуации (если речь не идет об обмане). Для «рамки» существуют более или менее четкие характеристики времени, места, обстановки, внешнего вида и ролей. Иногда на определение основного фрейма существенное влияние оказывают институциональные структуры – расписания и графики работы заведений и учреждений, маркеры начала и окончания события – звонки, объявления, стены и двери... В коридоре говорить можно, в кабинете нельзя или только по разрешению учителя; с началом представления разговоры умолкают, в антракте – оживляются. Однако молчание не только подчиняется определению ситуации, но и наоборот, – молчание, не соответствующее данному фрейму, может переопределить ситуацию.

Социальные действия имеют два пласта существования: физический и смысловой. Молчание в эмпирическом изучении – действие физическое. Однако в мире людей оно редко остается значимым просто как отсутствие звуков, но приобретает особое значение как «ход в игре», стратегическое или контекстное действие. Но мы не можем игнорировать то обстоятельство, что у всякого действия есть его «физическая» сторона. В этом разница между молчанием «живую» и молчанием, например, в переписке. Разумеется, молчание глухонемого человека не воспринимается как социальное действие, а рассматривается как естественное обстоятельство и приписывается континууму фоновых «событий» (в отличие от «действий»). То, что внешне кажется одним и тем же (человек молчит), по смыслу может различаться. Таким образом, все, что не рассматривается буквально, является переключением. Описывая любую ситуацию, люди обычно используют конечную (смысловую) схему интерпретации. То же самое они пытаются обнаружить, столкнувшись с молчанием человека. Однако если в процессе взаимодействия они найдут признаки физических препятствий для «нормальных» речевых действий или молчания, они сразу же переопределяют прошлые и текущие действия в физических, или, что бывает часто, медицинских терминах [Гофман, 2003: 255–258].

В играх стратегическое молчание попросту необходимо как элемент данного взаимодействия, иначе не будет интереса и эффекта развлечения. Это относится ко множеству игр, где требуется умолчание (сохранение в тайне) своих игровых позиций от противника.

Некоторые виды деятельности приобретают удачное социологическое описание посредством драматургической метафоры: лекции, выступления на конференциях, сольные номера, показательные состязания, инструктажи, свадьбы, похороны (и другие «церемонии»), специально открытый для наблюдения чей-то рабочий процесс... Между участниками «одного плана бытия» происходит взаимодействие, между исполнителями и зрителями – нет, так как последние скорее наблюдают, а не действуют. Но у аудитории есть свой набор задач: прежде всего, это выражение заинтересованности и эмпатии [Гофман, 2000]. Если зрителей нет, от человека в большинстве случаев требуется молчание. Таким образом люди «присваивают» себе чужой разговор вслух – если он присутствует, значит,

он должен быть обязательно для кого-то. Если приватность пространства, в котором человек разговаривает сам с собой, будет нарушена, это заставит его самого и свидетелей испытывать стыд [Гофман, 2003: 303].

Ситуация обычно обрамляется скобками и содержит их внутри себя. Скобки маркируют пространство и время и разделяются на *внешние* (отделяют событие от остальной жизни) и *внутренние* (паузы и перерывы во время самого события). Диктору, ведущему аудиотрансляцию концерта, необходимо чем-то заполнить пустоту между действиями, он не может просто замолчать. Почему? Это делается для вновь подключившихся слушателей, которые должны правильно считать фрейм концертного антракта и не перепутать его с полкомой радио или неполадками «на том конце провода». Даже повторяя много раз одно и то же в этой ситуации лучше, чем молчать [там же: 340]. Такие «заполняющие паузы», иногда состоящие только из протяжных звуков, могут считаться удобной стратегией даже для людей, не говорящих в микрофон «профессионально». Таким образом создается непрерывность речи, демонстрирующая вовлеченность в собственный монолог.

Гофман приводит пример действия ожидающего молчания из практики группового психотерапевта: «В назначенное время члены моей группы начинают прибывать. Люди недолго переговариваются между собой, а затем, когда набирается определенное их количество, в группе наступает молчание. Через некоторое время бессвязные разговоры возобновляются, затем опять следует молчание. Мне ясно, что я нахожусь в центре внимания группы. Более того, я испытываю тяжелое чувство, что от меня ждут чего-то» [там же: 508]. Конечно, в сценарии жизненного спектакля регламентируется далеко не все, по крайней мере, гласным образом. Тактичность обычно подразумевает молчаливое мастерство правильного считывания контекста и знание, как именно в нем следует себя вести. Умение «вовремя замолчать» относится к такому типу «социального навыка». Правильно употребленное молчание может не просто сложить приятное впечатление о человеке, но придать этому человеку более высокий (в некоторых случаях, как, например, молчание в ответ на оскорбления – более низкий) статус, а в общем смысле представить его как «своего» или «чужого» в глазах других людей [Гофман, 2009].

Анализ фреймов дает нам понимание многослойности и многоканальности повседневности, позволяет выделить главные и второстепенные взаимодействия, а также те, которые не относятся к взаимодействию вообще (внешние). Таким образом, достижение Ирвинга Гофмана, которое делает его разработки полезными для исследования практик молчания – это введение в социологический оборот понятий и концептов, при помощи которых стала возможна продуктивная работа по описанию смысловой структуры ситуации взаимодействия. Тем же преимуществом перед другими теоретическими конструкциями повседневности обладает этнометодология и разговорный анализ.

Этнометодологический подход: Г. Гарфинкель, Х. Сакс, Э. Щеглофф. Этнометодология известна прежде всего необычными «социальными экспериментами», которые проводил сам и побуждал проводить своих учеников Гарольд Гарфинкель. Они были направлены на то, чтобы показать, что социальная норма есть нечто подвижное, формирующееся в контексте взаимодействия. Если дезорганизовать привычное течение социальной жизни, люди не перестанут вести себя упорядоченно, а будут искать упорядоченного (объяснимого) поведения партнеров по взаимодействию, даже если те пытаются дезорганизовать ситуацию, следуя не общепринятым, а собственным правилам или вовсе не подчиняясь никаким правилам [Гарфинкель, 2002; 2003].

В наших повседневных попытках интерпретировать молчание партнера мы мысленно примеряем, как бы сказал Гофман, наиболее подходящие к ситуации «определения», тем самым пытаясь включить данное поведение в некую интерпретативную схему, упорядочивающую действительность. Смысл «практического» молчания (как конкретного действия) не дан нам тем, что называется «культурой» (мы уже указывали на бесчисленное число таких смыслов), но формируется в ситуации взаимодействия здесь и сейчас с помощью окружающих его практик, являясь поэтому *индексичным*.

В логической загадке о «трех мудрецах» иллюстрируется значение контекстного молчания. Три мудреца, дабы разрешить, кто из них мудрее, пришли к четвертому. У того были три белых и два черных колпака. Он попросил всех закрыть глаза, и надел на каждого по белому колпаку. Кто первый поймет какого цвета на нем колпак – тот и мудрее. Спустя какое-то время один из мудрецов воскликнул: «на мне белый!». Нам же предлагается узнать, как он догадался. Классическое решение этой задачи основано на цепочке умозаключений, которые делает мудрец из того, какие колпаки он видит на товарищах, и том, что они, в свою очередь, не угадывают цвет своего колпака моментально, т.е. не могут дать ответ сразу, а потому – молчат. Молчание оппонентов в данном случае (поскольку они являются мудрецами, а не глупцами) интерпретируется как незнание, неочевидность правильного ответа. Это незнание помогает одному из мудрецов получить представление о перспективе, которую имеют перед собой два других, то есть посмотреть на ситуацию «их глазами». Такие выводы о молчании партнера возможны только в условиях контекста и условий такой логической задачи (мы делаем скидку на то, что логические задачи обычно подчиняются не реализму и точности используемой логики, а изяществу собственного решения). И хотя ни в какой настоящей жизненной ситуации четкие и ограниченные условия никогда не встречаются, мы точно так же стараемся интерпретировать чужое молчание в контексте своих и чужих практических целей (см. [Гарфинкель, 2009]).

В этнометодологической перспективе практики молчания в зависимости от контекста могут как разрушать текущий социальный порядок (и создавать тем самым новый), так и поддерживать его. Молчание для практикующих его людей является многофункциональным инструментом речевого взаимодействия, выступающим структурирующим элементом речи, ключевым компонентом «молчаливых» порядков интеракции. Анализ этой роли и функции молчания во взаимодействии – важный аспект этнометодологического подхода к молчанию. Например, в детской игре «молчанка» молчание является конституирующим элементом игры, проговариваемым в правилах, – соревнование в длительности молчания нескольких игроков составляет суть такого взаимодействия и полностью определяет ход и итог игры [Спиркина, 2023]; в то же время паузы в диалоге часто не замечаются говорящими, хотя имеют особый микросоциологический смысл и выступают в качестве «отправных пунктов» для смены очередности в разговоре, придания драматизма сказанной фразе или становятся «местами коррекции» реплики и т.д.

Одним из «ответвлений» этнометодологии, позволяющим сделать анализ молчания, «включенного в речь», более точным, является т.н. конверсационный анализ. «Э. Щеглов и Х. Сакс использовали некоторые идеи этнометодологии и концепции фреймов в качестве теоретической базы конверсационного анализа (conversational analysis), цель которого – выявление способов конструирования реальности и приемов поддержания социального порядка в структуре речевых интеракций» [Бурак, 2010: 113]. Данный исследовательский метод использует аудио- и видеозаписи взаимодействий, а также технику их детального транскрибирования на письме, учитывающую паралингвистические характеристики речи, места пауз в речи, их длительность, характер интонаций, жесты, мимику. Но самое важное – конверсационный анализ оказывается способен анализировать контекст их появления и структурную роль в разговоре.

Заключение. Разумеется, социология повседневности, порождение интеракционизма и социальной феноменологии, берет в качестве отправной единицы анализа субъективный опыт людей, живущих в обществе. Доступ к данному индивидуальному опыту и способы его интерпретации часто обнаруживаются в способности людей говорить о своем опыте и, кроме того, в некотором желании это делать. Такое желание появляется не всегда. Особенно мало его в случаях, когда сам смысл молчания заключается в создании умолчания, тайны, недосказанности, иллюзии или информационного вакуума. В этом проблема исследования опыта молчания, о котором ничего не сказали, ничего не хотят говорить и даже считают необходимым сохранить его смысл в тайне. Единственное, на что приходится надеяться в данном случае, что молчание – это неслучайный,

«правилосообразный» элемент социальной жизни, возникающий то здесь, то там в социальном опыте в силу определенных обстоятельств, – потому что для этого складывается ситуация, это предполагает сложившийся ритуал или потому что именно с молчанием и его (ключевой или второстепенной) ролью связаны организация структуры взаимодействия и социальный порядок⁶.

Феноменологическая социология, символический интеракционизм, фрейм-анализ и этнометодология вместе и по-отдельности могут служить теоретико-методологическим ресурсом анализа молчания как явления микроуровня социальной жизни. Данные концепции хоть и считаются некоторыми авторами несовместимыми, так как раскрывают разные перспективы теоретического описания ситуации, кажутся нам если и не во всех случаях взаимодополняемыми, то, по крайней мере, почти всегда взаимозаменяемыми для задач социологического описания смысловой и физической структуры социальной ситуации, так как они имеют целью выявление социальной организации человеческого опыта и достигают этой цели похожим образом, хотя и подходят к ней каждая со своим особенным взглядом. Однако без значительной потери смысла скажем, гофмановские концепты «переводятся» на язык этнометодологии, и обратно. Но даже там, где такую конвертацию совершить проблематично, использование одной из названных концепций для задач социологического понимания ситуации на микроуровне не имеет принципиальных преимуществ перед использованием других. Их использование можно применять параллельно, что способствует более полному анализу ситуации. Ключевое сходство этнометодологии, социальной драматургии и социальной феноменологии состоит в практически идентичном исследовательском объекте – повседневных практиках в их непосредственной структуре в наблюдаемом взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Божков О.Б. Понятия повседневности и практик: к уточнению социологического смысла // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 133–154. DOI: 10.19181/socjour.2014.20.4.242.
- Бурак Т.В. В поисках повседневности: обзор новых концепций в социологии // Социология: Научно-теоретический журнал. 2010. № 2. С. 105–115.
- Вахштайн В.С. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 61–70.
- Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019.
- Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: ЕУ в СПб., 2008.
- Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1. С. 41–69.
- Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 1. С. 10–51.
- Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 3–25.
- Голофаст В.Б. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Т. 1. № 1. С. 67–74.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: ИС РАН, 2003.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
- Ильин В.И. Драматургия повседневности // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003. № 2. С. 2–8.
- Копылова Т.Р. Молчание как термин: проблема многозначности // Вестник УдГУ. Сер.: История и филология. 2015. Т. 25. № 5. С. 7–11.

⁶ Короткие типы молчаний (паузы, заминки) могут интерпретироваться участниками ситуации в терминах психофизиологической случайности (нужно время набрать в грудь воздуха, подобрать ответ...), но это не означает, что для логики протекания ситуации они так же являются случайным и бессмысленным «выбросом» (см. [Сакс и др., 2015; Schegloff, Sacks, 1973]).

Плампер Я. История эмоций. М.: НЛО, 2018.

Подвойский Д.Г., Спиркина А.К. В тишине..., меж людей...: молчание как предмет социологического изучения // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7.

Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202.

Солодовникова Н.Г. Эмоциональная поливалентность нулевых знаков в лингвоэкологическом аспекте (на примере слова молчание) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 1. С. 67–80.

Спиркина А.К. Игра в «молчанку» как форма социального взаимодействия // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.

Pagis M. Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice // *Ethnography*. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.

Scheff T. Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern // *Irish Journal of Sociology*. 2006. Vol. 15. P. 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.

Schegloff E.A., Sacks H. Opening up closings // *Semiotica*. 1973. Vol. 8. No. 4. P. 289–327.

Simmel G. The Sociology of secrecy and of secret societies // *American Journal of Sociology*. 1906. Vol. 11. No. 4. P. 441–498.

Zerubavel E. *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. N. Y.: Oxford University Press, 2006.

Статья поступила: 03.04.24. Финальная версия: 29.06.24. Принята к публикации: 08.07.24.

SOCIOLOGICAL THEORIES OF EVERYDAY LIFE AS A TOOL FOR RESEARCHING SILENCE PRACTICES

SPIRKINA A.K.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Anastasiya K. SPIRKINA, Senior Assistant, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (spirkina.ak@yandex.ru).

Abstract. The article reveals heuristic possibilities and analyzes the results of applying the conceptual apparatus of the sociology of everyday life to understanding the practices of silence. Sociological theories of everyday life are presented in the article by the concepts of social phenomenology of A. Schutz, dramaturgy and frame analysis of E. Goffman and an ethnomethodological approach, which includes both the ethnomethodology of H. Garfinkel, and conversation analysis, the founders of which are considered to be H. Sacks and E. Schegloff. Thus, the subject of the article is a wide range of concepts united by a qualitative research paradigm. This choice is justified by the high adaptability of this set of theories to the analysis of observed and «sounding» silence as a real phenomenon given us in the direct human experience. Used in everyday social life, silence is included in the processes of the everyday world thus becoming a part of the (re)production mechanism at the micro level social order.

Keywords: silence, social practice, sociology of everyday life, ethnomethodology, frame analysis, A. Schutz, E. Goffman, H. Garfinkel, conversation analysis.

REFERENCES

- Bozkov O.B. (2014) Everyday life and practices: towards clarification of the sociological sense of notions. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. No. 4: 133–154. (In Russ.)
- Burak T.V. (2010) In search of everyday life: a review of new concepts in sociology. *Sociology: Scientific and theoretical journal* [Sociologija: Nauchno-teoreticheskij zhurnal]. No. 2: 105–115. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2002) Study of the habitual foundations of everyday actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 41–69. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2003) What is ethnomethodology? *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 3. No. 4: 3–25. (In Russ.)
- Garfinkel H. (2009) A conception of, and experiments with, “trust” as a condition of stable concerted actions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 10–51. (In Russ.)

- Goffman E. (2000) The presentation of Self in everyday life. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo pole (In Russ.)
- Goffman E. (2003) Frame analysis: an essay on the organization of experience. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Goffman E. (2009) Interaction ritual: essays on face-to-face behavior. Moscow: Smysl. (In Russ.)
- Golofast V.B. (2002) Conceptualizing Everyday Life. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 1. No. 1. P. 67–74. (In Russ.)
- Ilyin V.I. (2003) Drama of everyday life. «Teleskop»: *nabljudeniya za povsednevnoj zhizn'ju peterburzhcev* [“Telescope”: observations of the daily life of St. Petersburg residents]. No. 2: 2–8. (In Russ.)
- Kopylova T.R. (2015) Silence as a term: the problem of polysemy. *Vestnik UdGU. Ser. Istorija i filologija* [Bulletin of UdSU. Ser. History and Philology]. Vol. 25. No. 5: 7–11. (In Russ.)
- Pagis M. (2010) Producing intersubjectivity in silence: an ethnographic study of meditation practice. *Ethnography*. Vol. 11. No. 2: 309–328. DOI: 10.1177/1466138109339041.
- Plamper J. (2018) The history of emotions. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Podvoyskiy D.G., Spirkina A.K. (2022) In the quiet..., between people...: silence as a subject of sociological study. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 125–135. DOI: 10.31857/S013216250019659-7. (In Russ.)
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G.A. (2015) Simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1: 142–202. (In Russ.)
- Scheff T. (2006) Aggression, hypermasculine emotions and relations: the silence/violence pattern. *Irish Journal of Sociology*. Vol. 15: 24–39. DOI: 10.1177/079160350601500103.
- Schegloff E.A., Sacks H. (1973) Opening up Closings. *Semiotica*. Vol. 8. No. 4: 289–327.
- Schutz A. (2003) On multiple realities. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 3. No. 2: 3–34. (In Russ.)
- Schutz A. (2004) *Selected works*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Simmel G. (1906) The Sociology of Secrecy and of Secret Societies. *American Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 4: 441–498.
- Solodovnikova N.G. (2017) Emotional polyvalence of zero signs in linguoecological aspect (on the example of the word silence). *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [World of linguistics and communication: electronic scientific journal]. No. 1: 67–80. (In Russ.)
- Spirkina A.K. (2023) «Silence game» as a form of social interaction. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 84–92. DOI: 10.31857/S013216250026588-9. (In Russ.)
- Vakhshayn V.S. (2009) Between «practice» and «deeds»: the unbearable lightness of theories of everyday life. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 8. No. 1: 61–70. (In Russ.)
- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *The theory of practices*. St. Petersburg: EU v SPb.. (In Russ.)
- Wittgenstein L. (2019) *Philosophical investigations*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Zerubavel E. (2006) *The elephant in the room: silence and denial in everyday life*. New York: Oxford University Press.

Received: 03.04.24. Final version: 29.06.24. Accepted: 08.07.24.